

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Моисеевой Анны Владимировны на тему: «Образы коранических пророков в персидской литературе X-XVII вв.: идейно-смысловые и художественные функции», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.2. «Литературы народов мира».

Исследование темы идейно-художественных функций образов коранических пророков в персидской (дари, таджикской) литературе в современном литературоведении имеет давнюю историю. Продолжая эту традицию, основываясь на достигнутых научных результатах своих предшественников, автор рецензируемой диссертации - Моисеева Анна Владимировна, как особо подчеркивает сам автор, сознательно ограничивает «исследуемый материал образами трех персонажей, которые являются общими для Корана и Ветхого Завета. Кроме общего источника сюжета, связанные с этими образами, делят одну комментаторскую традицию, в которой переплетаются элементы иудейских, христианских и мусульманских преданий» (Диссертация, стр.4). Исходя из этого, вполне оправдано, диссертант свое основное внимание сосредоточивает на подробном исследовании образов пророков Сулаймана, Мусы, Исы, Йунуса, Йусуфа, Йакуба и Аййуба в персидской (дари, таджикской) литературе X-XII вв. в двух основных главах своей диссертации: глава 2 «Образ пророка как объект сравнения (на примере пророка Сулаймана)» и глава 3 «Образы пророков и способы их взаимодействия в персидской классической поэзии».

Во второй главе «Образ пророка как объект сравнения (на примере пророка Сулаймана)» диссертант обращается к образу пророка, функционирующему как сравнение. При этом она отмечает, что «предмет и образ могут сравниваться по нескольким признакам, а также что один и тот же образ может использоваться для характеристики разных предметов на основании разных присущих этому образу черт. Для Сулаймана такими чертами будут мудрость, могущество и масштаб власти, а также богатство – т.е. все те качества, которыми должен обладать правитель и которые пристало восхвалять панегиристу» (Диссертация, стр.43). По мнению Моисеевой А.В. «анализ функционирования образа пророка Сулаймана как элемента сравнения», «состоит из двух частей: анализа его структуры, который покажет, из каких элементов строится образ, и описания его семантики, которая складывается из этих элементов» (Там же). Согласно анализа диссертанта, «в композиционном отношении образ Сулаймана строится из набора мотивов, основанных на коранических сюжетах. Как и подавляющее большинство пророков (кроме Йусуфа), Сулайман не был удостоен отдельного связного рассказа, изложенного в Коране. Его история восстанавливается по отдельным упоминаниям в Коране, а также по комментариям, излагающим подробности, связанных с этим персонажем сюжетов» (Там же). Судя по всему, Сулайман был хорошо известен в Аравии из иудейских преданий, а потому эпизоды с его участием в Коране не пересказываются подробно, а как бы лишь напоминаются читателю, заранее знакомому с сюжетом» (Там же).

Далее автор диссертации, рассматривает образ Сулаймана, разложив «на ряд элементов или мотивов, основанных на кораническом нарративе и комментаторской традиции: Сулайман и муравьи; Перстень Сулаймана; Сулайман и дивы; Сулайман и ветер; Язык птиц; Сулайман и Билкис; Сулайман и Асаф» (Диссертация, стр.44), показывает, «как каждый сюжет получил литературную интерпретацию» (Там же). По мнению диссертанта, ключевой характеристикой персонажа, во многом определившей восприятие его образа в поэзии, оказалась двойственность его натуры. С одной стороны, пример идеального правителя, мудрый царь и справедливый судья, с другой стороны, Сулайман оказался подвержен пагубному влиянию власти и возгордился, за что был наказан. Эти грехи Сулаймана упоминаются уже в Ветхом Завете: его отход от истинной веры в пользу язычества, к которому его склонили его многочисленные жены, роскошь, которой он окружил себя. В Аггаде мотив неоднозначности фигуры Соломона становится более явственным. Он сооружает себе великолепный дворец, на постройку которого ушло почти вдвое больше времени, чем на возведение Храма, и трон, снабженный замысловатым механизмом. Соломон вознесся так высоко, что стал забывать о своих обетах: «не иметь многих жен, не иметь многих коней и не увеличивать свое богатство» [Ginzberg 2003, vol. 2, p.973].

Исходя из этого, Моисеева А.В. считает, что именно «амбивалентность образа определила сферы его применения в поэзии: как хвалебное сравнение в панегириках, а иногда и в лирической поэзии, и как поучительный элемент в религиозных и дидактических произведениях» (Диссертация, стр. 55).

Особый научный интерес представляет также глава третья диссертации, под названием «Образы пророков и способы их взаимодействия в персидско-классической поэзии». Диссертант, взяв за основу гипотезу А.Р. Гайнутдиновой о существовании пророческих рядов в Коране, вслед за ней утверждает, что наличие организованных рядов пророческих историй является «отличительной чертой именно Корана: в Библии также встречаются повторы некоторых историй или следование нескольких пророческих рассказов одного за другим, однако именно в Коране пророческие ряды представляют собой целостные фрагменты текста и композиционно выстроены так, чтобы отражать представление о легендарной истории человечества до появления ислама» (Диссертация, стр.58). По мнению автора, «А.Р. Гайнутдинова делит пророческие ряды в Коране по тематическому принципу на следующие виды: Отвергнутые пророки: Нух, Худ, Салих, Лут, Шу‘айб, Муса; Пророки завета, «которые демонстрируют универсальность пророчества как фактора, определяющего развитие человеческой истории»: Ибрахим, Муса и ‘Иса; Пророки авраамического монотеизма: Ибрахим и его потомки: Исхак, Йа‘куб, Муса и ‘Иса; Универсальный пророческий ряд: от Адама до Мухаммада» (Диссертация, стр.59).

По наблюдениям А.В. Моисеевой, «упоминания пророков в Коране встречаются регулярно и поддаются логичной классификации, говорит о том, что в сознании средневекового мусульманина совокупность пророков мыслилась как единое целое. Это система, в которой у каждого элемента было свое четко определенное место, и, хотя представление об этой системе и претерпевало со временем эволюцию и видоизменялось, сама идея ее целостности оставалась неизменной» (Диссертация, стр.59-60). И на этой основе диссертант приходит к следующему заключению, что «пророческие ряды представляют собой некий культурологический феномен, проявления которого было бы логично искать не только

в самом Коране, но и в тех текстах, которые входят в орбиту мусульманской литературной традиции» (Диссертация, стр.60).

Подтверждение данного постулата мы наблюдаем вслед за автором диссертации во вступительных частях поэмах «Мантук-ат-тайр», «Мусибатнаме» и «Илахи-наме» Фаридуддина Атгара, «Махзан-ал-асрор» и «Искандар-наме» Низами и других. Однако, как утверждает диссертант, «персидская литература, восприняв кораническую идею пророческого ряда как краткого пересказа священной истории, подготовившей появление последнего Пророка, к остальным видам пророческих рядов в Коране...отнеслась равнодушно» (Диссертация, стр.83). Диссертант объясняет это тем, что «для литературы на новоперсидском языке, созданной в изначально мусульманской среде, доносить до читателей идею правильности монотеизма и пугать их судьбой народов, отвергнувших своих пророков, не было основной задачей, хотя дидактический элемент, без сомнения, присутствует и здесь. Для поэтов важнее было продемонстрировать свое мастерство, создав цепочку из логично увязанных узнаваемых образов, каждый из которых окружен соответствующими известными читателю коннотациями. Очевидно, по этой причине в пророческие ряды в поэзии не включались чисто аравийские пророки – они не получили распространения на персидской почве и не вошли так прочно в систему персидской поэтической образности, как, например, Йусуф или Муса» (Там же).

Автор рецензируемой диссертации из коранического пророческого ряда специально анализирует пары Мусы и Исы, Йунуса и Йусуфа, Йакуба Аййуба. Подробный анализ этих именных пар она объясняет тем, что «все они, кроме созвучности имен, обнаруживают значительное сходство в семантике связанных с ними мотивов, что определяет общую сферу функционирования в поэзии» (Диссертация, стр.183-184).

Моисеева А.В., пытаясь объяснить образы коранических пророков в контексте тематики мистической любви, подробно рассматривает трактат «Анис ал-муридин ва шамс ал-маджалис» в четвертой главе своей диссертации. Надо отдать должное, что указанная глава сама по себе, несомненно, представляет определенную научную и практическую ценность. Однако она носит более источниковедческий и текстологический характер, что выходит за рамку рецензируемой диссертации.

В диссертационной работе Моисеевой А.В. помимо этого наблюдаются следующие недостатки:

1. Повтор стереотипов, необоснованность которых уже давно доказаны в современной науке. К примеру, в рецензируемой диссертации автор констатирует, что якобы «начиная с появления первых известных нам попыток стихосложения на дари (новоперсидском языке), персидская литература развивалась под сильным влиянием арабоязычной традиции. Заимствуется как форма – персидская поэзия приняла арабскую квантитативную систему стихосложения ('арӯд) и правила точной рифмы (қафийа), под влиянием арабской поэзии в персидской литературе появились такие поэтические формы как касыда, қит'а и газель, – так и содержание: целые темы и сюжеты, отдельные мотивы и персонажи органично вплелись в пеструю ткань поэзии Ирана. Доисламская бедуинская литература и Коран становятся новыми источниками вдохновения для иранских поэтов. Персидская классическая литература мыслится современниками как преемница арабских поэтических традиций» (Диссертация, стр.26-27). Или же другая цитата из рецензируемой

диссертации, где речь идет о том, что якобы «учение о теории украшения художественной речи – ‘илм ал-бади’ – с его терминологическим аппаратом «досталось в наследство» персоязычной литературной традиции от арабов вместе с квантитативной системой стихосложения (‘аруд), учением о рифме (кафийа) и литературной критикой (нақд-и адаби)» (Диссертация, стр.30-31).

Тогда как в действительности, в создании так называемой арабской литературы, арабской поэтики и арабской литературной критики, непосредственно принимали участие, в основном, представители ираноязычных народов, такие как Зияд Аджам, Собит Кутнат, Муса Шахават, Абу ал-Аббаса ал-а-Ама, Юнус Катиб, Хаммад ар-Рави, Ваззах, Исмаил ибн Ясар, Абд ал-Хамида ибн Яхья ал-Катиба, Абдаллаха ибн ал-Мукаффа, Башшар ибн Бурд, Салеха ибн Абд ал-Куддус, Хаммоди Аджрад, Абу Яькуб ал-Хуррами, Абуновос, Абд ал-Хамид Лохаки, Фазл Абд ус-Самад Раккоши, Саид ибн Вахб, Руста ибн Абдул-Асвад, Сахл ибн Хорун, Халил ибн Ахмад, Абу Нувас, ал-Джахиз, Абу Мансур ас-Саъалиби, Абдал-Кохир Джурджони, Сироджуддин Саккокии Хоразми, Хатиби Казвини, Саъдуддини Тафтазони и другие. Естественно, что они хотя творили на арабском языке, внесли в арабскую литературу, поэтику и критику своё видение и традиции. Распространённые терминологии на арабском языке никак не свидетельствуют, что литературные жанры такие как рубайи, дубайти, маснави, газел, мухаммас, мусаддас, мустахзод, название метрики – хазадж, рамал, мутакориб, художественные приёмы – ташбех, тазод, тавсиф и т.д. были переняты от арабов.

Феномен арабоязычной персидской литературы, поэтики и критики подробно исследованы в работах Н. Зохидова «Арабоязычный период персидско-таджикской литературы VIII-IX вв.» (Душанбе, 1993г.), «Арабоязычная проза персидско-таджикской литературы VIII-IX вв.» (Душанбе, 2004, на таджикском языке.) и «Персидско-таджикская литература VIII-IX вв. (арабоязычный период)» (Душанбе, 2014г. на таджикском языке), Т. Мардонова «Арабско-таджикское двуязычие в поэзии IX-X вв.» (Душанбе, 1993) и «Арабско-таджикские литературные связи (история и современность)» (Душанбе, 2008), У. Юсуфова «Взаимовлияние науки о бадеъ Араба и Аджам в IX-XV вв.» (Душанбе, 2021, на таджикском языке) и другие.

2. Надо признать, что в кандидатской диссертации Моисеевой А.В. достаточно солидный список используемой литературы. Однако отсутствия в этом реестре давних и новых исследований, непосредственно относящихся к теме указанной диссертации, повлияло на её научный уровень. Имеется в виду работа известного таджикского литературоведа Субхона Амиркулова «Джунайдулло Хозика и его поэма «Юсуф и Зулейха» (Душанбе, 1967 г.), азербайджанского востоковеда Аббасали Кулиева (Саровлу) «Поэма «Юсуф и Зулейха» Абдурахмана Джами» (Баку, 1969, на азербайджанском языке), таджикских арабистов У.А. Гафаровой «Сказание Корана в персидском переводе «Тафсир»-а Табари (Историко-сравнительное исследование) (Душанбе, 2004г.), Ф.А. Насриддинова «Персидско-таджикские переводы Корана и комментарии к нему в X-XII вв. и их литературное значение» (Душанбе, 2012), В.Дж. Элбоева «Сказание о Юсуфе и Зулейхе» в персидско-таджикской литературе X-XV вв. (Проблема трансформации религиозных мотивов и образов в художественную литературу)» (Душанбе, 2016г.), иранской исследовательницы Мармар Насерпур «Житие пророка Моисея в «Истории Табари» и его образ в «Месневи» Мевляна Руми» (Душанбе, 2016г.), И.У. Рахимова «Сказание о Мусе (а) в персидско-таджикских комментариях X-XII вв.» (Худжанд, 2012г., на таджикском языке), М.А. Абдужаббаровой «Эволюция сюжета сказания

о Марьям в тафсирах X-XII вв. и его отражения в персидско-таджикской литературе» (Худжанд, 2018г.) и т.д.

3. Во введении диссертации Моисеевой А.В. высказана мысль о том, что «особый акцент в настоящей работе сделан на религиозно-мистическую литературу... В то же время, особое внимание к суфийской поэзии не следует рассматривать как указание на полное исключение из фокуса исследования придворной поэзии, направленной на восхваление покровителей – функционирование пророческих образов в этом жанре рассмотрено нами на примере образа Сулаймана» (Диссертация, стр.4-5). Создается впечатление, что для автора диссертации персидско-таджикская литература в основном состоит из суфийской и придворной литературы. Об этом свидетельствуют также ее высказывания о том, что якобы «образность персидского поэтического языка огромной своей частью обязана именно суфийской доктринам» (Диссертация, стр.5-6). Диссертант уверенно констатирует, что якобы «почти вся средневековая персидская поэзия слагалась с опорой на образы и метафоры, созданные в рамках суфийской доктрины, даже если сама эта поэзия, по существу, мистической не была» (Диссертация, стр. 24). Якобы «суфийская символика настолько прочно вошла в литературный обиход средневековых иранских поэтов, и так пропитала ткань поэтического персидского языка, что порой однозначно сказать, имелось ли в виду мистическое значение термина, или его нужно понимать буквально, крайне сложно. Так, исследователи до сих пор не сошлись в единогласном мнении относительно того, считать Хафиза суфийским поэтом, или нет» (Диссертация, стр.25).

Подобное представление о персидско-таджикской литературе является ещё одним давно позабытым стереотипом, в которое никак не вписывается творчество основоположника персидско-таджикской литературы Абу Абдуллы Рудаки, автора знаменитой поэмы «Шахнаме» Абулкасима Фирдоуси, Омара Хайяма, Насира Хусрава, Амира Хусрава Дехлави, Мирзо Абдулкадыра Бедия, Сайидои Насафи, Ахмада Дониша и других поэтов.

Что же касается Хафиза, то в современной науке, благодаря трудам иранских и таджикских ученых, таких как Алии Дашти, Абдулхусайн Зарринкуб, Мухаммадали Исломии Надушан, Такии Пурномдориён, Алисгара Додбех, Абдунаби Сатторзода, Шарифмурод Исрофилниё и других доказано, что великий поэт не является поэтом-суфием. Сам Хафиз неоднократно называет себя «риндом», т.е. свободомыслящим человеком, которого никак нельзя отнести к суфиям.

4. Во всей рецензируемой диссертации в объеме 175 страниц, лишь на 31 странице диссертант соизволила использовать известный в свое время в советском и зарубежном востоковедении термин «персидско-таджикская поэтика». Она пишет, что «в классической персидско-таджикской поэтике нет какого-либо унифицированного способа классификации поэтических фигур» (Диссертация, стр.31). Автор диссертации имела право сделать выбор в пользу распространенного термина, каковым является «персидская литература», однако, когда она перечисляет страну, которой принадлежит данная литература, подчёркивает только Иран. Например, диссертант пишет: «Целые темы и сюжеты, отдельные мотивы и персонажи органично вплелись в пеструю ткань поэзии **Ирана**» (Диссертация, стр.27). Или же утверждает, что «в рамках мистической поэзии **в Иране** развитие получили в первую очередь малые формы: руба'и и газель» (Диссертация, стр.29). Подобные утверждение автора диссертации лишней раз доказывает правильность использования термина «персидско-таджикской литературы» со стороны известных востоковедов Е.Э. Бертельса в книге «История

персидско-таджикской литературы» (Москва, 1960г.), Яна Рипки в «Истории персидско-таджикской литературы» (Москва, 1963 г.), И.С. Брагинского «Из истории персидско-таджикской литературы» (Москва, 1972г.), М.-Н.О. Османова «Стиль персидско-таджикской поэзии» (Москва, 1974г.), Н. Захидова «Арабоязычный период персидско-таджикской литературы» (Душанбе, 1993г.), коллектива авторов шеститомной «Истории персидско-таджикской литературы» (Душанбе, 2019г.) и т.д. Так как оно свидетельствует о законном праве не только народов современного Ирана, но и современного Таджикистана и Афганистана на наследия вышеупомянутой литературы.

5. В тексте рецензируемой диссертации, не часто, однако, наблюдаются орфографические и пунктуационные ошибки. Нет необходимости в их перечислении, хотя на одну из них следует обратить внимание. Дело в том, что в списке использованной литературы под номером 16 имя «Абдуррахмана Джами» приведено в неправильной форме т.е. «Jalāl al-Dīn Jāmī».

С учетом всего вышесказанного полагаю:

Научно-квалификационная работа, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний.

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

Член диссертационного совета, доктор филологических наук,

профессор Сатторов Абдунаби.

2 февраля 2025г.

